

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовная ответственность за кражу»

Обучающийся

С.А. Деньмухамедова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

д-р. юрид. наук, профессор, В.К. Дуюнов

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Аннотация

Кража, будучи одним из древнейших видов преступления, продолжает оставаться одним из наиболее распространённых в стране противоправных посягательств, занимая одну из «лидирующих» позиций в структуре преступности.

Регулярно публикуемые сведения официальной статистики позволяют делать обоснованный вывод о том, что кража и по итогам 2023 года продолжает оставаться одним из самых распространённых преступлений.

Сказанное обуславливает повышенную актуальность данной темы исследования и предопределяет важность поиска оптимальных путей противодействия данным деяниям уголовно-правовыми средствами, наряду с иными средствами противодействия преступности.

Несмотря на достаточную научную проработку теоретических аспектов квалификации хищений в общем и кражи в частности, многие вопросы продолжают вызывать дискуссии и неоднозначные подходы в толковании и правоприменении, что актуализирует продолжение исследований в указанном направлении.

Цель исследования: проанализировать вопросы, связанные с уголовной ответственностью за кражу в российском уголовном праве.

Проблемы, связанные с противодействием совершению хищений уголовно-правовыми средствами, разрабатываются в трудах многих отечественных специалистов в области уголовного права. Необходимо отметить работы таких авторов, как: А.И. Бойцов, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, В.К. Дуюнов, М.П. Журавлев, Н.А. Лопашенко, А.В. Макаров, А.И. Рарог, В.В. Хилюта, П.С. Яни и других отечественных исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Историко-теоретические аспекты кражи в России	7
1.1 Уголовная ответственность за кражу в исторической ретроспективе	7
1.2 Хищение: понятие, признаки, виды	14
Глава 2 Юридический анализ состава кражи по действующему уголовному законодательству России	20
2.1 Объективные признаки состава кражи.....	20
2.2 Субъективные признаки состава кражи	24
2.3 Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки кражи... 30	
Глава 3 Проблемные аспекты уголовной ответственности за кражу.....	40
3.1 Актуальные проблемы квалификации кражи	40
3.2 Отграничение состава кражи от смежных составов преступлений. 51	
Заключение	62
Список используемой литературы и используемых источников	69

Введение

Актуальность исследования. Кража, будучи одним из древнейших видов преступления, продолжает оставаться одним из наиболее распространённых в стране противоправных посягательств, занимая одну из «лидирующих» позиций в структуре современной российской преступности.

Уголовной ответственности за кражу посвящена ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации [75] (УК РФ), которая включена законодателем в главу 21 «Преступления против собственности».

Регулярно публикуемые сведения официальной статистики позволяют делать обоснованный вывод о том, что кража и по итогам 2023 года продолжает оставаться одним из самых распространённых преступлений: «кражи составляют 30% всех преступлений в структуре преступности в Российской Федерации. Кроме того, данные о количестве зарегистрированных краж в абсолютных величинах (386066) относительно общего числа преступлений против собственности, позволяют сделать вывод о том, что кражи – наиболее часто совершаемые преступления против собственности» [68].

Сказанное обуславливает повышенную актуальность данной темы исследования и предопределяет важность поиска оптимальных путей противодействия данным деяниям уголовно-правовыми средствами, наряду с иными средствами противодействия преступности.

Несмотря на достаточную научную проработку теоретических аспектов квалификации хищений в общем и кражи в частности, многие вопросы продолжают вызывать дискуссии среди специалистов и неоднозначные подходы в толковании, что актуализирует продолжение глубоких и комплексных исследований в указанном направлении.

Значительный интерес представляет вопрос о возможности квалификации в качестве кражи присвоение найденного имущества, что обуславливается пересечением гражданско-правовых положений,

регламентирующих порядок обращения с находкой, есть ряд проблем разграничения разных форм хищения и т.д.

Необходимость дополнительной проработки теоретико-практической составляющей уголовной ответственности за кражу также обуславливается единообразием в подходах, связанных с квалификацией хищений и разграничением соответствующих составов противоправных деяний.

Тем не менее, данный круг вопросов имеет определяющее значение для эффективного и обоснованного привлечения виновных к уголовной ответственности и назначения таковым справедливого наказания, или иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных уголовным законодательством в качестве реакции на противоправную деятельность.

Цель исследования: проанализировать вопросы, связанные с ответственностью за кражу, как форму хищения, в российском уголовном праве.

Задачи исследования:

- рассмотреть вопросы уголовной ответственности за кражу в исторической ретроспективе, анализируя законодательство дореволюционного, советского и постсоветского периодов;
- сформулировать понятие, признаки и виды хищения;
- дать юридический анализ состава кражи по действующему уголовному законодательству России;
- рассмотреть актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации кражи;
- провести отграничение кражи от смежных составов преступлений;
- определить направления оптимальных путей противодействия кражам уголовно-правовыми средствами.

Объект исследования: уголовно-правовые отношения, связанные с регламентацией ответственности за кражу, как форму хищения в Российской Федерации.

Предмет исследования: уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за кражу, а также положения иных нормативно-правовых документов и материалы правоприменительной практики в указанном исследовательском направлении.

Методология исследования: в работе использован комплекс разнообразных современных методов познания, применяемых в юридической науке, из которых можно выделить – диалектический метод познания, исторический метод, метод структурного анализа уголовно-правовых норм и институтов и т.д.

Степень разработанности темы исследования. Проблемы, связанные с противодействием совершению хищений уголовно-правовыми средствами, разрабатываются в трудах многих отечественных специалистов в области уголовного права.

Необходимо отметить работы таких авторов, как: А.И. Бойцов, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, В.К. Дуюнов, М.П. Журавлев, Н.А. Лопашенко, А.В. Макаров, А.И. Рарог, В.В. Хилюта, П.С. Яни и других отечественных исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Историко-теоретические аспекты кражи в России

1.1 Уголовная ответственность за кражу в исторической ретроспективе

Исторический экскурс, связанный с анализом отечественного права в различные периоды развития общества и государства является важной составной частью любого правового исследования, включая исследования, связанные с уголовной ответственностью за те, или иные общественно опасные деяния. Таким образом, мы имеем возможность выявить предпосылки возникновения соответствующего правового регулирования, рассмотреть контекст формирования и развития данных норм и институтов, выявить преемственность нормативных положений в данной области.

Кража, безусловно, является одним из самых известных и распространённых преступных в истории отечественного уголовного права.

С учётом сказанного, следует согласиться с мнением исследователей о том, что во все времена «собственность признавалась одним из наиболее значимых и ценных объектов уголовно-правовой охраны. По этой причине уголовное законодательство, относящиеся фактически к каждой исторической эпохе, включало в себя нормы, которые устанавливали основания уголовной ответственности за рассматриваемый вид преступного посягательства» [1, с. 53].

Первые нормативные упоминания, касающиеся регламентации ответственности за кражу можно обнаружить в нормах такого исторического правового документа, как Русская Правда [64]. В данный исторический период кража именовалась «татьба».

Как отмечают Т.А. Полякова, Н.В. Касаткина и Е.А. Коновалов, «в указанный период кража считалась более общественно опасным преступлением, чем грабеж и разбой, так как потерпевший не имел возможности оказать преступнику сопротивление. Более того, кража

подвергалась более суровому общественному порицанию, нежели открытые виды хищений» [48, с. 32].

Получили своё развитие нормы, посвящённые ответственности за кражу и в иных нормативных документах древнерусского периода российского государства.

Так, отдельные авторы указывают, что «в нормах Псковской судной грамоты 1467 г. различались такие виды краж, как простая и квалифицированная. К числу простых краж были отнесены такие, как кража из закрытого помещения, из саней, с воза, из лодки, зерна из ямы, кража скота, сена, совершенная в первый или второй раз. В свою очередь, к числу квалифицированных краж были отнесены такие, как кража, совершенная в третий раз, конокрадство, а также «кримская» («кромская») татьба» [36, с. 71].

Соответствующие правовые нормы анализируемого исторического периода развития отечественного государства и права также нашли своё отражение и в тексте документа, именуемого Судебником 1497 г. [69]

В рассматриваемом источнике права аналогичным образом были обозначены простые и квалифицированные разновидности краж.

По мнению отдельных исследователей, квалифицированными были «кража церковная, головная, повторная кража, а также первая кража с поличным, совершенная ведомым лихим человеком. Остальные же виды краж рассматривались в качестве простых. При этом, стоимость похищенного имущества при квалификации деяния не имела значения» [48, с. 32].

Многие авторы полагают, что в анализируемый нами период исторического развития норм, регламентирующих ответственность за хищения, так называемая «церковная татьба» расценивалась законодателем не просто в аспекте преступления имущественного характера. Такого рода деянию придавался характер противоправного посягательства на интересы церкви.

В Судебнике 1550 г. [70] нормы, предусматривающие ответственность за кражу, также были обозначены, при этом, за такого рода деяния перечень видов наказания был расширен.

Тем не менее, одним из наиболее полных и содержательных документов, предусматривающих ответственность за кражу в анализируемый исторический период, следует считать Соборное уложение 1649 г. [67]. В нормах данного систематизированного законодательного акта законодателем были выделены простая и квалифицированная татьба (кража). Таковой являлась церковная татьба, на службе, конокрадство, татьба в государевом дворе и т.д.

Об этих преступлениях говорилось в разных главах Соборного уложения, но в основном данные нормы получили своё определение в главе XXI «О разбойных и татинных делах».

Как указывается отдельными авторами, «наибольшее внимание Соборное уложение 1649 г. уделило установлению ответственности за кражу как одного из наиболее распространенных преступлений против имущества» [48, с. 33].

Также заслуживает внимания тот факт, что стоимость похищенного имущества не оказывала по нормам анализируемого документа на преступность и наказуемость хищения, а также не предполагала дифференцирование уголовного наказания.

На наказание в первую очередь оказывало влияние повторное совершение кражи лицом, или же сопряжённость кражи с иным преступлением – например, убийством.

Авторы указывают на то, что снисходительное отношение законодателя было обозначено лишь в отношении «кражи мелких предметов для непосредственного употребления (в огородах, садах)» [48, с. 34].

В нормах Артикула воинского 1715 г. [6] уголовная ответственность за кражу была предусмотрена главой «О зажигании, грабительстве и воровстве». Уже в положениях данного документа, который применялся наряду с

положениями Соборного уложения, была произведена дифференциация ответственности в зависимости от размера ущерба, которое повлекло хищение. Таким образом, законодатель относил к разряду квалифицированной кражи деяния, причинившее ущерб более 20 рублей. Иными видами квалифицированной кражи выступали кражи: «из церкви, человека с целью его продажи, у господина или товарища, во время стихийных бедствий, казенного имущества, караульным, из разрытых могил, в четвертый раз, судов, потерпевших крушение» [19, с. 133].

Существенным образом была расширена уголовная ответственность за кражи в период правления Екатерины II. В частности, в данный период был издан Указ от 03.04.1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях» [77].

Действие данного Указа распространялось на лиц, совершивших кражу, размер ущерба от которой не превышал 20 рублей. Следует также обратить внимание на то, что данный документ исключал из правового оборота категорию «татьба», вводя термин «кража» для обозначения тайного хищения чужого имущества.

Дальнейшее развития отечественного уголовного законодательства обозначилось уже в XIX столетии в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [78], где было закреплено законодательное определение кражи. Согласно данной норме, под таковой понималось «...всякое, каким бы то ни было образом, но втайне, без насилия, угроз и вообще без принадлежащих к свойству разбоя и грабежа обстоятельств, похищение чужих вещей, денег, или иного движимого имущества» (ст. 2146 Уложения).

Помимо этого, в нормах указанного законодательного акта были дифференцированы следующие разновидности краж: «в зависимости от предмета кражи выделялись такие виды краж, как простая кража, кража документов, конокрадство и др.; в зависимости от субъекта выделялись такие виды краж, как домашняя, семейная, кража, совершенная слугами, которые

проживают совместно с потерпевшим и др.; в зависимости от обстановки и способов совершения преступного деяния выделялись такие виды краж, как кража со взломом, кража, совершенная ночью, кража, совершенная из транспорта и др.» [19, с. 133]

Ответственность за хищения претерпела значительные изменения с переходом от дореволюционного к советскому государству и праву после Октябрьской революции 1917 года – Декретом СНК от 24.11.1917 г. «О суде» [17].

Первые упоминания в советском уголовном законодательстве касательно кражи, как формы хищения, обозначились в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 01.06.1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» [16]. Соответствующие деяния нашли в нём отражение с установлением весьма суровой ответственности за их совершение – вплоть до высшей меры наказания при отягчающих обстоятельствах совершения хищения.

Подобная позиция законодателя обусловлена сложными условиями, связанными с политической и социальной ситуацией в стране – война, нехватка продовольствия и т.д.

Развитие советских уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за кражу продолжилось с принятием УК РСФСР 1922 г. [49] Нормы о краже (ст. 180) открывают главу VI «Имущественные преступления» данного кодифицированного документа. Законодатель предусматривает широкий ряд составов кражи (простых и квалифицированных), с дифференциацией ответственности за их совершение. Кроме того, в ст. 181 УК РСФСР 1922 г. законодатель предусматривает ответственность за покупку заведомо краденого, тем самым осуществляя дополнительную превенцию хищений.

В нормах УК РСФСР 1926 г. [50] краже посвящена ст. 162 в которой законодателем предпринята попытка более сжатого и систематизированного изложения соответствующих составов кражи. Кроме того, в качестве

отдельной разновидности кражи в ст. 163 документа, выделена кража электрической энергии, что стало своего рода новацией в регулировании ответственности за хищения в данный исторический период.

Далее, законодатель предпринимал активные меры по предупреждению хищений. Так, 27.05.1932 г. было принято Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «Об имущественной ответственности работников за материалы и изделия и за имущество предприятия или учреждения, выданное в пользование работникам» [61] в котором содержались положения, направленные на обеспечение сохранности выданного гражданам в пользование имущества предприятия или учреждений.

Немного позднее, 07.08.1932 г. ЦИК СССР и СНК СССР было принято Постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации, и укреплении общественной (социалистической) собственности» [60], включающее ответственность за хищение грузов с различного вида транспортных средств и общей кооперативной собственности, с установлением высшей меры наказания за такого рода деяние. Указанными нормами законодатель ещё раз подчеркнул максимально жёсткий подход к реагированию на кражу государственной собственности.

В нормах УК РСФСР 1960 г. [76] законодателем целенаправленно дифференцирована уголовная ответственность за две базовые разновидности краж. Так, кража социалистической собственности личного имущества была регламентирована в ст. 144 главы 5 «Преступления против личной собственности граждан». Здесь потерпевшим мог выступать лишь гражданин, личному имуществу которого преступлением причинён ущерб. О частной собственности законодатель не вёл речь ввиду отрицания таковой – речь велась лишь о личном имуществе.

Уголовно-правовая норма о краже социалистической собственности (ст. 89) включена в другую – отдельную главу 2 «Преступления против социалистической собственности».

Уголовная ответственность за кражу социалистической собственности была исключена Федеральным законом от 01.07.1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [79] с учётом иных демократических приоритетов, провозглашаемых на конституционно-правовом уровне в ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации [28] (Конституции РФ), где содержится указание на равную защиту всех форм собственности.

Окончательный переход к новому демократическому концепту осуществления защиты собственности уголовно-правовыми средствами произошёл уже с принятием нового УК РФ, открывшему новый постсоветский демократический этап развития отечественного уголовного законодательства.

Таким образом, первые нормативные упоминания, касающиеся регламентации ответственности за кражу можно обнаружить в нормах древнерусского уголовного законодательства. Характер данных норм соответствовал общему уровню государственно-правового развития и был достаточно казуистичным, с выраженной сословной составляющей. Также первоначально стоимость похищенного имущества не оказывала влияния на преступность и наказуемость хищения, а также не предполагала дифференцирование уголовного наказания.

Уже в XIX веке регулирование заметно усовершенствовалось, были выделены квалифицированные разновидности краж. Ответственность за хищения претерпела значительные изменения с переходом от дореволюционного к советскому государству.

Первоначальный подход законодателя к хищениям был максимально строгим – вплоть до высшей меры наказания при отягчающих обстоятельствах совершения хищения. Подобная позиция законодателя обусловлена сложными условиями, связанными с политической и социальной ситуацией в стране – война, нехватка продовольствия и т.д.

Окончательный переход к новому демократическому концепту осуществления защиты собственности уголовно-правовыми средствами

произошёл уже с принятием нового УК РФ, открывшему новый постсоветский демократический этап развития отечественного уголовного законодательства.

1.2 Хищение: понятие, признаки, виды

Категория «хищение», безусловно, является одной из системообразующих и базовых. Как уже было ранее отмечено, основа защиты собственности заложена в ст. 8 Конституции РФ: «в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности».

Уголовно-правовая же защита собственности определена законодателем в рамках главы 21 УК РФ «Преступления против собственности».

Категория «хищение» является одной из важнейших, применительно к любым составам преступлений против собственности, закреплённых в нормах действующего уголовного законодательства России. Однако, «хищения» и «преступления против собственности» не являются синонимичными категориями.

Как верно отмечается в литературе, «общим родовым объектом преступлений против собственности является собственность как экономико-правовое понятие, которая заключается в фактической и юридической присвоенности имущества конкретному физическому или юридическому лицу, имеющему в отношении этого имущества правомочия владения, пользования и распоряжения и обладающему исключительным правом на передачу этих правомочий другим лицам. Форма собственности на квалификацию не влияет» [72, с. 392].

Определение преступлений против собственности можно сформулировать как: «противоправные, уголовно наказуемые деяния, запрещённые в главе 21 УК РФ под угрозой наказания, которые посягают на собственность и причиняющие ей ущерб».

Преступления против собственности, в соответствии с позицией, высказанной авторским коллективом под редакцией В.К. Дуюнова, «можно разделить на корыстные деяния (ст. 158-165 УК РФ) и некорыстные деяния (ст. 166-168 УК РФ). Корыстные преступления против собственности включают в себя хищения (ст. 158-162, 164 УК РФ) и корыстные противоправные посягательства, с хищением не связанные (ст. 163, 165 УК РФ)» [72, с. 392].

Таким образом, хищения являются преобладающей частью преступлений против собственности.

Нормативное определение категории «хищение» обозначено законодателем в примечании 1 к ст. 158 УК РФ через нормативное определение признаков такового: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

В качестве признаков хищения законодателем выделены:

- хищение направлено против чужого имущества;
- хищение осуществляется путём изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц;
- хищение – это деяние противоправное и безвозмездное;
- хищение причиняет ущерб собственнику или законному владельцу имущества;
- хищение характеризуется корыстной целью.

В качестве первичного признака хищения выделяется особый предмет – чужое имущество, в качестве которого может выступать лишь овеществлённый предмет, имеющий объективную форму. В этой связи следует сделать вывод о том, что предметом хищения не может выступать интеллектуальная собственность, компьютерная информация, различные виды энергии, лишенные вещной формы.

Наиболее распространённой разновидностью предмета хищения выступает движимое имущество в виде денег, ценностей, конкретных вещей.

Как отмечают в своей работе В.И. Тюнин и Ю.И. Степанов, «несмотря на имеющиеся различия во взглядах ученых-криминалистов и цивилистов, практика пошла по пути признания предметом хищения безналичных денежных средств. Влияние на это оказало и нормативное наделение безналичных денежных средств практически такими же функциями, которыми обладают наличные денежные средства» [71, с. 41].

Несмотря на свою вещественность, ряд предметов не может выступать в качестве предмета хищения, применительно к преступлениям против собственности, поскольку специфика таковых предполагает посягательство на иной объект преступления, что позволяет законодателю обоснованно формулировать соответствующие составы преступлений, связанные с данными предметами, в иных разделах и главах действующего УК РФ.

К числу таковых, например, относятся: хищение ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ); хищение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 1 ст. 226 УК РФ); хищение ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового поражения, материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения (ч. 2 ст. 226 УК РФ); хищение наркотических средств и психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 229 УК РФ).

В качестве предмета хищения может фигурировать только то имущество, которое имеет материальную ценность, которую связывают с «предназначенностью для удовлетворения каких-либо потребностей человека (материальных, духовных, иных) и достаточную для наличия преступного характера его изъятия стоимость» [13, с. 12].

Предмет хищения, выступающий в данном правовом качестве, является чужим, относительно прав на данное имущество виновного. В этой связи, нельзя похитить вещь, которая является предметом общей совместной или долевой собственности.

Хищение представляет собой изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Изъятие, как отмечается авторами одного из комментариев, «предполагает исключение имущества из владения собственника или законного владельца. Обращение понимается как замена собственника или законного владельца на незаконного пользователя» [66, с. 21].

Обращение чужого имущества позволяет признавать хищение оконченным преступлением. Через использование данного термина подчёркивается сохранение за первоначальным собственником законных прав на предмет хищения – ведь лицо, ставшее пользователем похищенного имущества, никаких законных прав на него не обретает.

Противоправность совершаемого хищения является очевидным юридическим признаком, который предполагает запрет на безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц в уголовно-правовой норме, в рамках соответствующего состава преступления против собственности.

Безвозмездность изъятия имущества предполагает отсутствие стоимостного эквивалента. Другими словами, виновный, производя изъятие и обращение имущества, не оставляет собственнику или иному законному владельцу стоимостный эквивалент в виде денег, иных ценностей и т.д.

Под ущербом, который неизбежно влечёт для собственника или иного законного владельца хищение, «понимается как реальное уменьшение имущества у собственника или законного владельца (так называемый прямой положительный ущерб). Он исчисляется стоимостью похищенного имущества; размер последнего имеет принципиальное значение для квалификации и для выделения видов хищения» [82, с. 57].

Корыстная цель – последний из выделяемых признаков хищения, который в общем и целом состоит в желании и стремлении обогащения, которое реализуется как в отношении самого виновного, так и иных лиц.

Хищения традиционно подразделяют на формы и виды.

Как указывается специалистами, «в зависимости от конкретного типичного способа завладения чужим имуществом законодатель выделяет шесть форм хищения: кражу, мошенничество, присвоение, растрату, грабеж и разбой. Виды хищений, выделяются в зависимости от размера похищенного имущества, который определяется исходя из его фактической стоимости на момент совершения преступления: мелкое; простое; хищение, причинившее значительный ущерб гражданину; хищение в крупных размерах; хищение в особо крупных размерах» [72, с. 394].

Как следует из текста Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «При отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения экспертов» (п. 25).

Также заметим, что мелкое хищение, в качестве уголовно наказуемого деяния, появилось в действующем УК РФ сравнительно недавно – после внесения изменений Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ [80].

Таким образом, исторический экскурс, связанный с анализом отечественного права в различные периоды развития общества и государства является важной составной частью любого правового исследования, включая исследования, связанные с уголовной ответственностью за те, или иные общественно опасные деяния. Мы имеем возможность выявить предпосылки возникновения соответствующего правового регулирования, рассмотреть контекст формирования и развития данных норм и институтов, выявить преюмственность нормативных положений в данной области.

Кража, безусловно, является одним из самых известных и распространённых преступных в истории отечественного уголовного права.

Первые нормативные упоминания, касающиеся регламентации ответственности за кражу можно обнаружить в нормах древнерусского уголовного законодательства. Характер данных норм соответствовал общему уровню государственно-правового развития и был достаточно казуистичным, с выраженной сословной составляющей. Также первоначально стоимость похищенного имущества не оказывала влияния на преступность и наказуемость хищения, а также не предполагала дифференцирование уголовного наказания.

Уже в XIX веке регулирование заметно усовершенствовалось, были выделены квалифицированные разновидности краж. Ответственность за хищения претерпела значительные изменения с переходом от дореволюционного к советскому государству.

Первоначальный подход законодателя к хищениям был максимально строгим – вплоть до высшей меры наказания приотягчающих обстоятельствах совершения хищения. Подобная позиция законодателя обусловлена сложными условиями, связанными с политической и социальной ситуацией в стране – война, нехватка продовольствия и т.д.

Окончательный переход к новому демократическому концепту осуществления защиты собственности уголовно-правовыми средствами произошёл уже с принятием нового УК РФ, открывшему новый постсоветский демократический этап развития отечественного уголовного законодательства.

Определение преступлений против собственности можно сформулировать как: «противоправные, уголовно наказуемые деяния, запрещённые в главе 21 УК РФ под угрозой наказания, которые посягают на собственность и причиняющие ей ущерб».

Хищения же представляют собой преобладающую часть преступлений против собственности. Анализ конструктивных признаков хищения, определённых в УК РФ, является результатом длительной эволюции представлений учёных о содержании данной категории.

Глава 2 Юридический анализ состава кражи по действующему уголовному законодательству России

2.1 Объективные признаки состава кражи

Уголовно-правовую характеристику состава преступления принято начинать с объективных признаков, а именно – с объекта преступного посягательства, что является исходной точкой уголовно-правового анализа состава преступления по его классической схеме.

В качестве объекта преступного посягательства, как это следует из теории квалификации преступлений и устоявшихся положений уголовно-правовой науки, выступает некая совокупность общественных отношений, которые государство в лице соответствующих органов берёт под свою охрану, осуществляемую уголовно-правовыми средствами.

То есть, именно констатация посягательства со стороны виновного на объект преступления, во многом, лежит в основе криминализации деяния, поскольку объективная действительность порождает необходимость защиты объекта уголовно-правовой охраны.

Такой инструментарий содержат положения действующего УК РФ, применительно к соответствующим преступным посягательствам.

Как пишет А.И. Рагог, «относительно уголовного права, общественные отношения являются первичной категорией, они объективны по своей природе и не находятся в зависимости от сознания людей. Именно такими мы их рассматриваем применительно к совершённому преступному посягательству, которое посягает на объективно существующий объект» [73, с. 174].

В уголовно-правовой науке принято выделять родовой, видовой и непосредственный объект преступления.

По мнению Н.А. Лопашенко, с которым можно согласиться, «родовым объектом хищений выступает собственность как экономико-правовая категория» [32, с. 30].

Собственность в данном значении по мнению авторского коллектива под редакцией В.К. Дуюнова «заключается в фактической и юридической присвоенности имущества конкретному физическому или юридическому лицу, имеющему в отношении этого имущества правомочия владения, пользования и распоряжения и обладающему исключительным правом на передачу этих правомочий другим лицам» [72, с. 392].

Отдельные авторы выделяют видовой объект хищения, но данный вопрос не находит единогласную поддержку. Ряд авторов высказывается за «совпадение родового и видового объекта хищения, включая кражу» [74, с. 159].

Н.А. Лопашенко солидаризируется с такой правовой позицией, выступая в поддержку тезиса о том, что «выделение видовых объектов посягательств на собственность излишне. В результате совершения всех предусмотренных гл. 21 УК РФ составов преступлений страдает собственность в целом» [32, с. 310].

Взгляды в науке на непосредственный объект хищения также отличаются. Например, отдельные учёные определяют в качестве такового «конкретную форму собственности, которой причиняется вред (частная, муниципальная, государственная, общественная)» [31, с. 208].

Есть мнение о том, что «выделение непосредственного объекта целесообразно лишь тогда, когда дробление родового объекта на составные элементы имеет юридическое значение» [30, с. 352]. Соответственно, автор резюмирует, что при хищении «совпадают не только родовая и видовой объекты, с ними совпадает и непосредственный объект» [30, с. 352].

Но такая точка зрения вступает в противоречие с традиционным взглядом на выделение непосредственного объекта преступления.

Так, авторский коллектив под редакцией А.И. Рарога полагает, что «непосредственный объект – это конкретное общественное отношение, против которого направлено преступное посягательство, терпящее урон всякий раз при совершении преступления данного вида» [63, с. 110].

В этой связи следует сделать вывод о том, что при определении непосредственного объекта хищений с точки зрения теоретического обоснования содержания объекта данного уровня, делать уверенный акцент на конкретизированной форме собственности вряд ли стоит. Это не будет соответствовать разделяемой большинством исследователей позиции. В этой связи наиболее правильным решением будет признать в качестве непосредственного объекта хищения (и кражи, как его формы) собственность конкретного субъекта, которой причиняется ущерб в результате совершения преступления.

Объективная сторона кражи включает в себя деяние, которое состоит, в соответствии с концептуальным подходом к разграничению различных форм хищения, в тайном хищении чужого имущества.

Данный вывод закономерно следует из тезиса о том, что специфика способа совершения хищения лежит как в научной, так и в нормативной основе выделения отдельных форм хищения. Кражу, в этой связи, характеризует тайный характер реализации деяния. Соответственно, тайность должна трактоваться как осуществление хищения без очевидности и явности для иных лиц.

Основные элементы уголовно-правовой характеристики кражи раскрыты Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 27.12.2002 г. № 29 [52], который разъяснил, что «как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества» (п. 2 Постановления).

Отдельные авторы разделяют критерии тайности хищения на объективные и субъективные (несмотря на то, что касаются они единого главенствующего признака объективной стороны кражи).

Такой подход позволяет более чётко определить наличие соответствующего критерия и верно произвести уголовно-правовую квалификацию деяния на практике.

К числу объективных критериев тайности относят следующие: «отсутствие на месте совершения преступления кого-либо, т.е. очевидцев; отсутствие на месте совершения преступления посторонних; присутствие на месте совершения преступления посторонних, однако они не наблюдают факт хищения; присутствие на месте совершения преступления посторонних, которые не расценивают происходящее как хищение или не осознают его; факт совершения хищения наблюдается посторонними людьми, однако они не обнаруживают себя виновному» [72, с. 395].

Наличие любого из данных признаков позволяют судить о тайности с точки зрения объективной констатации анализируемого признака деяния.

Выделяемый субъективный критерий определения тайного способа отражает в себе, как это следует из характера используемой субъективной категории, внутреннее отношение виновного к деянию в аспекте отражения в своём восприятии тайного характера хищения. То есть, с точки зрения данного критерия тайность имеет место тогда, когда виновный полагает, исходя из собственных представлений и собственного субъективного восприятия действительности, что по месту совершения хищения отсутствуют другие люди, либо присутствующие не замечают его действий, не осознают и не отмечают их противоправный характер.

По мнению Н.А. Лопашенко, «при квалификации хищения как тайного должны быть установлены оба критерия тайного способа изъятия имущества» [32, с. 151].

Поэтому вряд ли можно согласиться с А.И. Рарогом, полагающим, что «вопрос о том, является ли хищение тайным, должен решаться на основании

субъективного критерия, т.е. исходя из восприятия ситуации хищения самим виновным» [63, с. 110].

Одного лишь субъективного критерия явно недостаточно – субъективное суждение виновного относительно тайности должно находить обоснования в объективной обстановке деяния и её факторах. Другими словами, виновный должен иметь некие объективные основания считать, что действует тайно, совершая хищение чужого имущества.

Кража – как верно подчёркивается в науке, «деяние с материальным составом, поэтому считается оконченным преступлением в тот момент, когда предмет хищения изъят виновным и лицо имеет реальную возможность им воспользоваться или распорядиться по своему усмотрению» [10, с. 31].

Не менее важным является верное определение субъективных признаков кражи – её субъективной стороны, а также субъекта анализируемого противоправного посягательства.

2.2 Субъективные признаки состава кражи

Субъективная сторона противоправного посягательства характеризуется признаками, относящимися к сфере внутренних психических процессов, происходящих у виновного в связи с совершением деяния. К числу обязательных законодатель относит вину в форме умысла, либо неосторожности. Любые другие признаки субъективной стороны преступления являются факультативными, если только прямо не указываются в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, как это, в частности, имеет место в отношении хищений.

Субъективная сторона кражи, как формы хищения, характеризуется умышленной формой вины, причём в виде прямого умысла, а значит «лицо осознает общественную опасность своих действий (противоправного безвозмездного изъятия чужого имущества и обращения его в свою пользу или пользу других лиц), предвидит неизбежность наступления общественно

опасных последствий в виде имущественного ущерба собственнику или законному владельцу имущества и желает их наступления» [32, с. 320].

В науке высказывается мнение о том, что кража может быть совершена «как с прямым, так и с косвенным умыслом, когда завладение чужим имуществом является неизбежным результатом такого поведения виновного, который в качестве основной преследует иную цель» [29, с. 17].

Но данная точка зрения не может быть принята во внимание по следующему основанию: если виновный преследует не корыстную, а какую-либо иную цель, хищение отсутствует в силу прямого указания УК РФ, поскольку обязательным признаком субъективной стороны кражи является корыстная цель.

Данный обязательный признак хищения вызывает наибольшее число вопросов и двояких толкований в науке и правоприменении.

При этом, верное определение и юридическое установление мотивов и целей по делам о хищениях имеет первостепенное значение для правильной квалификации преступления.

А.И. Бойцов считает, что «корыстная цель заключается в стремлении виновного к обогащению: лично себя; близких для него физических лиц, в улучшении материального положения которых он заинтересован; юридических лиц, с функционированием которых напрямую связано его материальное благополучие; любых других лиц, действующих с ним в соучастии» [10, с. 294].

Б.В. Волженкин в этой связи указывал: «Корыстная цель имеет место, если чужое имущество незаконно и безвозмездно изымалось и (или) обращалось: в пользу виновного; в пользу лиц, близких виновному, в улучшении материального положения которых он лично заинтересован; в пользу других лиц, являющихся соучастниками хищения» [12, с. 153].

По мнению Н.А. Лопашенко, «корыстная цель в хищении налицо, если виновный стремится: к личному обогащению; к обогащению людей, с которыми его связывают личные отношения; к обогащению соучастников

хищения; к обогащению людей, с которыми он состоит в имущественных отношениях» [32, с. 151].

Таким образом, в общем и целом, корыстная цель состоит в желании и стремлении обогащения, которое реализуется как в отношении самого виновного, так и иных лиц.

П.С. Яни понимает корыстную цель как «желание получить возможность распорядиться похищенным имуществом по собственному усмотрению, как своим собственным» [85, с. 15].

Важную роль в определении содержания корыстной цели сыграл выход Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [52], в рамках которого было указано: «Не образуют состава кражи или грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо в связи с предполагаемым правом на это имущество... В тех случаях, когда незаконное изъятие имущества совершено при хулиганстве, изнасиловании или других преступных действиях, необходимо устанавливать, с какой целью лицо изъяло это имущество» (п. 7)

Исходя из данной правовой позиции можно сделать вывод о том, что анализируемая цель предполагает долговременный характер изъятия и обращения имущества.

Как отмечается в отдельных работах, «не образуют состава кражи противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом с целью его временного использования либо в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств такие действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по другим статьям УК РФ или вовсе не влекут уголовной ответственности» [9, с. 151].

Но такая краткость содержательного толкования корыстной цели не разрешила все возникающие вопросы. Важный вопрос, связанный с

трактовкой корыстной цели был затронут в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [53], а в дальнейшем практически полностью воспроизведён в п. 26 нового Постановления от 30.11.2017 г. № 48: «обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен» [54].

Как верно указывается в этой связи специалистами, «хищение может быть совершено в пользу любого лица, не являющегося собственником или владельцем похищенного имущества» [7, с. 6].

Такое толкование позиции Пленума ВС РФ представляется верным – круг непосредственных приобретателей материальных благ, выступающих предметом хищения максимально широк.

Данный вывод можно обнаружить в позициях нижестоящих судов после выхода анализируемого судебного толкования. Так, в частности, в одном из кассационных определений судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ, отвергая довод апелляционной жалобы об отсутствии у виновного корыстной цели, указала, что «для квалификации мошенничества не имеет значения, кто являлся выгодоприобретателем и в чью пользу было реализовано похищенное имущество» [21].

Тем не менее, в дальнейшем судебная практика формировалась не вполне однозначно. Так, в 2013 г. опубликован Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 03.04.2013 г. [38]

В данный Обзор включено Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.11.2012 г. № 87-Д12-4. Анализируя указанный документ, П.С. Яни приходит к выводу о том, что «намерение использовать чужое имущество в интересах юридического лица, в

том числе возглавляемым физическим лицом, обманувшим контрагента в целях изъятия его имущества, корыстной целью как признаком хищения Верховным Судом РФ не рассматривается» [87, с. 23].

Указанная двойственность подходов обозначилась и в судебной практике нижестоящих судов. Ограниченное толкование круга получателей благ при хищении можно увидеть в тексте Апелляционного определения Верховного суда Республики Татарстан от 05.11.2013 г. по делу № 22-6647/2013 [3].

Нельзя не согласиться со справедливым упреком в неоднозначности: «в настоящее время существует правовая неопределенность в понимании корыстной цели как конструктивного признака хищения, вследствие чего судьи зачастую вынуждены принимать решение о наличии или отсутствии в действиях лица состава хищения, основываясь не на четких предписаниях закона, а на основе своих личных представлений о корыстной цели или даже интуитивно» [7, с. 8].

Тем не менее, следует признать правильность широкого толкования, обозначенного в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [53] и воспроизведённого в новом Постановлении от 30.11.2017 г. № 48.

Мотив преступления, как правило, представляет собой факультативный элемент субъективной стороны преступления, но в данном случае, наряду с целью, выступает в качестве обязательного конструктивного признака субъективной стороны хищения.

Мотивом выступает «осознанное побуждение, которым руководствовалось лицо при совершении преступления, иначе говоря, это источник действия, его внутренняя движущая сила. Это обусловлено потребностями и интересами побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление» [32, с. 109].

Ряд выраженных потребностей в виде желаний побуждают индивида перейти к активным действиям, тем самым мотивируя действовать в направлении достижения желаемого. Другими словами, становятся мотивами поведения лица – в рассматриваемом случае становятся мотивами совершения хищения.

Как правило, данный мотив, как и цель, является корыстным – обусловленным желанием обогащения, как уже указывалось ранее при исследовании корыстной цели.

Однако, отождествлять его с корыстной целью, или же утверждать, что корыстный мотив для совершения хищения является обязательным, не следует.

Мотивация субъекта хищения не обязательно может носить корыстное содержание: это может быть мотив зависти, стремления проявить личностную харизму, испытать риск и т.д.

Тогда как конечная цель совершения хищения – всегда будет корыстной, иное просто не укладывалось бы в рамки концепции ответственности за хищение.

Субъект преступления, то есть лицо, подлежащее уголовной ответственности за совершение деяния, предусмотренного ст. 158 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, которому на момент совершения деяния, исполнилось 14 лет.

То есть, законодатель не наделил субъекта основного состава кражи статусом специального субъекта преступления. В данном случае это представляется правильным и оправданным.

В данном случае, речь идёт о пониженной возрастной границе уголовной ответственности – по общему правилу, ответственность по большинству составов преступлений Особенной части УК РФ наступает с возраста 16 лет, но в данном случае, с учётом широкой распространённости данного преступления и доступности для понимания несовершеннолетним его противоправного содержания, граница осознания общественно опасного

характера деяния и его последствий позволяет обоснованно вести речь об ответственности с более раннего возраста.

2.3 Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки кражи

Квалифицирующие признаки кражи предусмотрены законодателем в ч. 2 ст. 158 УК РФ. К их числу относятся: кража, совершённая группой лиц по предварительному сговору; кража с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище; с причинением значительного ущерба гражданину; кража из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем.

Кратко обозначим суть и содержание данных признаков, придающих хищению в форме кражи повышенную общественную опасность, предполагающие более жёсткую реакцию со стороны государства.

Нормативные признаки групповой формы совершения кражи, обозначенной в п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ находят своё определение как форма соучастия в ст. 35 УК РФ. Чтобы на законных основаниях вменить виновному данный квалифицирующий признак, нужно чтобы в совершении кражи принимало участие, как минимум, два исполнителя деяния, и данные лица вступили в сговор, понимаемый как согласование воли соучастников, направленной на совершение противоправного посягательства.

Следует учесть позицию Пленума ВС РФ относительно данного признака, предполагающего широкий подход в толковании категории «исполнитель».

«Когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей,

запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством и в силу ч. 2 ст. 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по ст. 33 УК РФ» (п. 10 Постановления № 29).

Важно также верно интерпретировать наличие сговора, выступающего связующим звеном, соединяющим волю отдельных лиц в реализации преступного умысла на тайное хищение чужого имущества.

Такое согласование воли не обязательно должно происходить посредством диалога соучастников, или же в знаковой форме (например, посредством переписки в мессенджере, или посредством электронной почты, смс-сообщений и т.д.) Может также иметь место, так называемый, «молчаливый сговор», когда согласие на участие в совершении кражи может быть выражено лицом, посредством кивка головой, немедленным переходом к осуществлению преступного плана, предложенного одним из соучастников и т.д.

При этом важно, чтобы такое согласование произошло на этапе приготовления к совершению анализируемой формы хищения. Это имеет определяющее значение, поскольку предварительность не предполагает согласование воли соучастников уже непосредственно в момент реализации преступного умысла и выполнения объективной стороны деяния.

При квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ нужно учитывать содержание категорий «помещение» и «хранилище», определяемые законодателем в Примечании к ст. 158 УК РФ: «Под помещением в статьях настоящей главы, понимаются строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях. Под хранилищем в статьях настоящей главы понимаются хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм

собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей».

Также проникновение в такое помещение должно носить незаконный характер – то есть, предполагать отсутствие у виновного законных прав входить в соответствующее помещение и находиться в нём, например, на правах руководителя организации, владеющей соответствующим хранилищем.

Важно учесть, что непосредственное телесное проникновение в помещение, путём входа в дверь, или путём проникновения через окно или иное отверстие, не обязательно может иметь место. Так, хищение может быть совершено через приоткрытое окно, путём использования специальных заранее приготовленных приспособлений, позволяющих произвести захват и вытягивание предмета преступления, без непосредственного входа в пространство хранилища.

На это указывает Пленум ВС РФ: «Проникновение в указанные строения или сооружения может быть осуществлено и тогда, когда виновный извлекает похищаемые предметы без вхождения в соответствующее помещение» (п. 18 Постановления № 29).

Размер значительного ущерба, который кража причиняет собственнику имущества определяется в каждой конкретной ситуации, применительно к конкретному потерпевшему, на что указывает ряд обстоятельств, таких как: влияние на материальное положение гражданина и членов его семьи, с учётом размера его дохода, заработной платы и т.д.

Выработка конкретного размера значительного ущерба объективно невыполнимая задача, с учётом: разного имущественного положения граждан, проживающих в разных субъектах Российской Федерации, разного уровня жизни в конкретном населённом пункте, разного размера расходов, которыми обременена конкретная семья и т.д.

Законодатель лишь счёл возможным определить в Примечании к ст. 158 УК РФ нижнюю границу значительного ущерба, чтобы исключить

произвольное вменение данного признака виновному – такой размер не может быть менее 5000 рублей, что является правильным решением.

В п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ законодатель ведёт речь о, так называемых, «карманных кражах» - хищениях, так именуемых в быту, в соответствии с исторически сложившейся терминологией.

При этом, непосредственные места хранения предмета хищения толкуются достаточно широко и их перечень не является закрытым. Это могут быть не только карманы верхней одежды – это могут быть сумки любых размеров, рюкзаки, портфели, иная ручная кладь т.д. Важным является то, что похищаемое тайно имущество должно быть «при потерпевшем» в момент хищения, а не где-то в другом месте. Подобным образом, как правило, похищаются наличные денежные средства (как с кошельком, так и без такового).

Так, тайное хищение из сумки потерпевшего в вагоне метро будет квалифицироваться как кража по анализируемому признаку, а хищение данной сумки, находящейся в камере хранения вокзала, так квалифицировано быть не может, учитывая вышеназванную интерпретацию данного признака.

Повышенную общественную опасность кражи такого рода создаёт особая дерзость действий со стороны виновного, а также использование преступных навыков, позволяющих похитить имущество не очевидным для потерпевшего и иных, находящихся рядом лиц даже при непосредственном телесном контакте между виновным и собственником имущества.

Особо квалифицирующими следует считать признаки кражи, обозначенные законодателем в ч. 3 и ч. 4 ст. 158 УК РФ. К их числу относятся: кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище; кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода; в крупном и особо крупном размере; кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ); кража, совершённая организованной группой.

Под незаконным проникновением в жилище понимается «противоправное тайное или открытое вторжение, совершенное с целью совершения кражи» [10, с. 215].

Равно, как и при квалификации кражи из помещения или иного хранилища, хищение из жилища может быть произведено без непосредственного полного телесного проникновения – с использованием приспособлений.

Категория «жилище», применительно к составам преступлений, предусмотренных Особой частью УК РФ, определяется законодателем как: «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания» (Примечание к ст. 139 УК РФ).

При этом, иное помещение или строение, предназначенное для временного проживания может интерпретироваться в достаточно широком диапазоне, включая разного рода туристические палатки, фургоны, предназначенные для путешествий на природу, буксируемые личным автотранспортом и т.д.

Аналогично, не будет иметь место анализируемый особо квалифицирующий признак в ситуации, нахождения в жилище гражданина на законных основаниях – по приглашению, в гостях, в силу дружеских или иных близких отношений. При такой ситуации факт противоправного вторжения отсутствует, что предполагает и отсутствие повышенной общественной опасности, которая определяется дерзостью деяния, посягающего в как на неприкосновенность жилища, так и на чужое имущество в данном жилище находящемся.

Вполне закономерно, что при квалификации кражи в соответствии с анализируемым пунктом, дополнительная квалификация по ст. 139 УК РФ не требуется

Кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода – также является особо квалифицированной разновидностью кражи. При этом, соответствующий провод фактически выступает в качестве специального хранилища, предназначенного для хранения и пространственного перемещения нефти, нефтепродуктов, газа и т.д. для нужд частного, или промышленного потребления.

Специфика реализации объективной составляющей рассматриваемого особо квалифицирующего признака состоит в получении виновным тайного доступа к энергоресурсу в виде нефти, нефтепродуктов, газа и т.д. и отбора соответствующего вещества на безвозмездной основе. Такая техническая возможность часто сопрягается через, так называемые, врезки в трубопроводы, что не исключает их порчу и выведение из строя.

Как верно указывается специалистами, «если происходит их разрушение, повреждение или приведение в негодное для эксплуатации состояние, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 215.3 УК РФ» [9, с. 155].

Для квалификации деяния согласно п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, необходимо руководствоваться определением крупного размера похищенного с учётом Примечания к ст. 158 УК РФ. Размер такового должен быть более 250000 рублей, а для квалификации по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ – более 1000000 рублей.

Такой особо квалифицирующий признак, как кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) был введён в текст ст. 158 УК РФ сравнительно недавно, как

закономерная реакция государства в лице законодателя на активное использование информационных технологий в достижении преступного результата при совершении хищений.

В современных условиях развития информационно-коммуникационных систем существуют реальные возможности для изъятия и обращения безналичных денежных средств техническим путём, без участия в этой цепочке действий людей, что обуславливает констатацию наличия тайности совершения хищения.

И во многих случаях преступление, предусмотренное п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, имеет место при использовании удаленного доступа «к банковскому счету при помощи технических средств...» [62], как это следует из Пояснительной записки к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)».

«Электронные денежные средства, в отличие от денежных средств, на банковском счете функционируют без открытия соответствующего банковского счета и используются только в Интернете. Перевод электронных денег осуществляется кредитными организациями, уведомившими Банк России в установленном порядке о начале осуществления соответствующей деятельности» [84, с. 113] – указывает И.И. Шарова.

Данный шаг законодателя следует оценить положительно, однако, с учётом того, что разные формы хищения очень тесно переплетены между собой, возникают объективные трудности в определении того, какое именно преступление совершено в каждой конкретной ситуации.

Современные технологии, определяющие специфическую содержательную часть такого деяния, в зависимости от ряда частных фактов, могут предопределить как квалификацию деяния в качестве кражи, так и в качестве одного из видов мошенничества. В рамках следующей главы исследования

представляется необходимым сформулировать подходы к такому разграничению.

Что касается кражи организованной группой, необходимо верно интерпретировать признаки таковой, в соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ.

Как верно определяется учёными, «такая группа характеризуется устойчивостью, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла. Об устойчивости организованной группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства, например, специальная подготовка участников организованной группы к проникновению в хранилище, техническая оснащённость» [72, с. 140].

При признании преступлений совершенными организованной группой действия всех соучастников независимо от их роли в содеянном квалифицируются как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Таим образом, юридический анализ состава кражи позволяет сделать вывод о том, что объектом данного преступного посягательства выступает собственность, как экономическая категория. При этом, следует признать правоту специалистов, которые считают, что родовой и видовой объект кражи полностью совпадают.

При определении непосредственного объекта хищений с точки зрения теоретического обоснования содержания объекта данного уровня, делать уверенный акцент на конкретизированной форме собственности вряд ли стоит. Это не будет соответствовать разделяемой большинством исследователей позиции. В этой связи наиболее правильным решением будет признать в качестве непосредственного объекта собственность конкретного субъекта, которой причиняется ущерб в результате совершения преступления.

Специфика объективной стороны кражи выражается в форме противоправного деяния, а именно – в тайном характере хищения.

Особенность способа совершения хищения лежит как в научной, так и в нормативной основе выделения отдельных форм хищения. Кражу, в этой связи, характеризует тайный характер реализации деяния. Соответственно, тайность должна трактоваться как осуществление хищения без очевидности и явности для иных лиц.

Если основываться на определении тайности на основе выделяемых в науке объективных и субъективных характеристик, то следует констатировать, что тайный характер хищения будет иметь место при наличии единства объективных данных, указывающих на тайность и субъективного восприятия таковых виновным лицом.

Одного лишь субъективного критерия явно недостаточно – субъективное суждение виновного относительно тайности должно находить обоснования в объективной обстановке деяния и её факторах. Другими словами, виновный должен иметь некие объективные основания считать, что действует тайно, совершая хищение чужого имущества.

Субъективная сторона противоправного посягательства характеризуется признаками, относящимися к сфере внутренних психических процессов, происходящих у виновного в связи с совершением деяния.

Корыстная цель является также обязательным признаком субъективной стороны кражи, как и любой иной формы хищения. Исходя из точек зрения, высказываемых в науке, а также позиции Пленума Верховного Суда РФ, можно сделать вывод о том, что анализируемая цель предполагает долговременный характер изъятия и обращения имущества, а круг непосредственных приобретателей материальных благ, выступающих предметом хищения максимально широк. Данный вывод можно обнаружить в позициях нижестоящих судов после выхода анализируемого судебного толкования.

Субъектом кражи выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет. В данном случае, речь идёт о пониженной возрастной границе уголовной ответственности – по общему правилу, ответственность по большинству составов преступлений Особенной части УК РФ наступает с возраста 16 лет, но в данном случае, с учётом широкой распространённости данного преступления и доступности для понимания несовершеннолетним его противоправного содержания, граница осознания общественно опасного характера деяния и его последствий позволяет обоснованно вести речь об ответственности с более раннего возраста.

Как представляется, перечень квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков сформулирован законодателем корректно, с учётом выработанной практики и исторически сложившихся подходов к реагированию на хищения. При этом, законодатель производит учёт современных тенденций расширения границ преступных возможностей, которые связаны с развитием информационно-коммуникационных технологий. В результате законодательной проработки данного вопроса, в ст. 158 УК РФ появился такой особо квалифицированный состав кражи, как кража, с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Это позволяет в необходимой мере дифференцировать уголовную ответственность за кражу, учитывая повышенную общественную опасность, что имеет место при совершении хищения указанными способами, или при наличии соответствующих обстоятельств.

Глава 3 Проблемные аспекты уголовной ответственности за кражу

3.1 Актуальные проблемы квалификации кражи

Значительный интерес представляет вопрос о возможности квалификации в качестве кражи присвоение найденного имущества, что обуславливается пересечением гражданско-правовых положений, регламентирующих порядок обращения с находкой – ст. 227 Гражданского кодекса Российской Федерации [14] (ГК РФ), и положений ст. 158 УК РФ, регламентирующих уголовную ответственность за кражу.

На практике подобные проблемы часто возникают при утере гражданами смартфонов или иных мобильных устройств в транспорте, местах общего пользования и т.д. В данных ситуациях необходимо чётко разграничивать действия, находящиеся в границах допустимого и действия, содержащие в себе признаки хищения.

При этом, как верно указывается специалистами, «неоднозначные подходы к оценке специфики предмета преступления, обстоятельств его утраты и обнаружения, отношения лица, обнаружившего предмет, к содеянному в данной ситуации являются причиной противоречивой судебной практики» [34, с. 42].

В ст. 148.4 ранее действовавшего УК РСФСР 1960 г. законодателем предусматривалась уголовная ответственность за «присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества», однако, данный состав преступления был декриминализован с принятием нового УК РФ, в котором подобный состав преступления уже отсутствует.

На уровне судебной практики в ряде проанализированных судебных решений находка и хищение разграничиваются – действия нашедшего определяются с уголовно-правовой точки зрения как правомерные, в то время как хищение забытых или оставленных вещей квалифицируется как кража.

Например, в ряде судебных актов судами особо подчеркивалось, что не влечет уголовной ответственности присвоение находки [56] или ее утаивание [39]. В отдельных документах обозначено достаточно развернутое обоснование данного тезиса: «несмотря на формальную (согласно букве закона) схожесть кражи и присвоения находки, последнее не может расцениваться как форма хищения, так как при присвоении находки имущество уже утеряно хозяином и выбыло из его владения. Неправомерное присвоение найденной или случайно оказавшейся у виновного чужой вещи влечет лишь гражданско-правовую ответственность» [55].

В одном из судебных актов сделан акцент на необходимости «четко устанавливать и определять отличительные признаки кражи чужого имущества и признаки присвоения находки» [37].

Таким образом, судами отвергалась идея привлечения к уголовной ответственности за сокрытие находки.

Однако, в дальнейшем в судебной практике наметилась тенденция придавать разное значение вещи забытой (оставленной), и вещи утерянной, что нашло своё отражение в одном из Кассационных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ: «забытая вещь не является потерянной владельцем, который имеет возможность вернуться за ней или иным способом вернуть ее» [22].

В результате на уровне судебной практики стал формироваться следующий взгляд: если вещь оставлена собственником или иным законным владельцем в публичном месте с ограниченным пространством, то такая вещь забыта лицом, а не утеряна им – в Постановлении президиума Орловского областного суда такой вывод сделан относительно административного здания [58].

Анализ иных судебных решений позволяет сделать вывод о том, что суды стали определять в качестве критерия того, что вещь не утеряна, а забыта владельцем применительно к широкому спектру мест, что приводит к

распространению практики считать вещь забытой в неопределённо-широком спектре жизненных ситуаций.

Так, забытой считается вещь, оставленная владельцем в кассовой зоне магазина [26] или в примерочной кабинке [46], а также на входе в соответствующее помещение магазина [23].

Такой же статус у вещи предопределяется в том случае, когда собственник оставил её на скамейке в парке [20], в подъезде дома [43], на дороге [25] в неопределённом месте на пешеходном тротуаре [47].

Суды отмечают наличие субъективного понимания подсудимым того факта, что лицо, которое забыло вещь в подобном месте, может за ней вернуться.

В одном из судебных решений суд исключил возможность считать вещь забытой исключительно исходя из того, что «потерпевший не знает (не помнит), где было утеряно имущество» [2].

Но данный подход вызывает критику, поскольку основывается на субъективном вопросе восприятия потерпевшим оставления своей вещи (предприняты ли поисковые действия с его стороны, точно ли лицо помнит, где могло оставить предмет и т.д.), что лишает данную ситуацию прямой субъективной связи с действиями подсудимого, которому не может быть известно о характере осознания потерпевшим деталей, связанных с оставлением вещи.

Тем более, уголовно-правовая квалификация такого рода деяния сталкивается с проблемой того, что в гражданско-правовых отношениях забытые и утерянные вещи никак не разграничиваются. Законодатель в данном аспекте лишь учёл наличие воли собственника, как определяющего аспекта.

По данному критерию разграничиваются утерянные вещи и брошенное имущество, которым являются «Движимые вещи, брошенные собственником или иным образом оставленные им с целью отказа от права собственности на них» (ст. 226 ГК РФ).

При оставлении же вещи вследствие невнимательности, как верно отмечается в публикациях, «собственник вследствие ослабления своих сознательных или волевых усилий утрачивает (хотя бы временно) контроль за своим имуществом, не желая прекращения права собственности, и до возвращения такого контроля вещь можно считать выбывшей из владения помимо воли лица, то есть утерянной» [5, с. 10].

Следует согласиться с выводами о том, что «уголовно-правовое толкование понятия забытая вещь не исключает возможности задействия лицом, обнаружившим такое имущество, гражданско-правового режима находки» [34, с. 45].

В этой связи, суды в обосновании квалификации кражи указывают на то, что «виновный имел возможность передать найденную вещь в уполномоченные органы» [24] или «не принял мер, предписанных ст. 227 ГК РФ, к возвращению забытой вещи собственнику» [42].

Если судами фиксируется неисполнение подсудимым обязанностей, предусмотренных ст. 227 ГК РФ, это говорит о том, что принципиальной разницы между забытой или утерянной вещью не наблюдается в обязанности лица обращаться с таким предметом, как с находкой. Соответственно, нарушение или игнорирование такой обязанности может быть расценено как хищение, независимо от субъективного восприятия утраты имущества его владельцем.

Отдельные авторы ставят следующий вопрос: «возникает неопределенность, как оценивать действия, пока лицо несет чужое имущество (например, обнаружив чужой кошелек на полу магазина и направляясь с ним в сторону кассы или информационного стола). Если применять концепцию забытости такой вещи, то лицо уже совершает как минимум покушение на кражу. Если же не разделять забытое и утерянное имущество, то оценка подобной ситуации будет зависеть от цели и действий нашедшего» [5, с. 11].

Также в практике есть случаи специального указания на субъективный элемент деяния в анализируемом контексте: «присвоение найденной вещи,

производящееся лицом, сознающим право владельца, связано с признаком нечестности, а потому является кражей» [23].

Тем самым, даже усматривая различия между забытыми и оставленными предметами, учитывая место их обнаружения, суды все же оценивают не только (и не столько) эти обстоятельства, но и поведение лица по обращению с найденной вещью, которое и должно играть определяющую роль.

С учетом сложившейся правоприменительной практики в Конституционный Суд РФ обратились двое граждан, осужденных в подобных обстоятельствах за совершение кражи, с жалобами, в которых оспаривалась конституционность не только ст. 158 УК РФ, но и ст. 227 ГК РФ.

Конституционный Суд РФ включил в предмет рассмотрения указанные законоположения в той мере, в какой они в своей взаимосвязи служили по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, основой для привлечения к уголовной ответственности за кражу в случае противоправного обращения заведомо принадлежащего другому лицу найденного имущества в пользу нашедшего или иных лиц, чем причиняется ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества, что нашло своё отражение в тексте Постановления Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова» [51].

В Постановлении № 2-П Конституционный Суд РФ проводит отграничение гражданско-правового злоупотребления правомочиями нашедшего вещь от собственно хищения (п. 3).

Общее описание правомерных действий, не имеющих признаков даже гражданско-правового злоупотребления, также дано в Постановлении № 2-П.

В частности, Конституционный Суд РФ указывает, что «...установление физического владения потерянной вещью представляет собой активную

форму поведения в виде действия, которое само по себе не только не является противоправным, но и признается законодателем правомерным, а в отдельных случаях – даже подлежит судебной защите (например, в вопросах о праве требовать возмещения расходов нашедшего по хранению найденной вещи). Дальнейшее активное поведение лица, нашедшего вещь (заявление о находке, поиски ее собственника, передача найденного владельцу помещения или транспорта либо его представителю и т.п.), исключает уголовную ответственность за ее хищение и служит законодательно конкретизированным критерием для разграничения правомерного и противоправного деяния» (п. 3.1).

Для оценки же последующего поведения Конституционный Суд РФ использует теоретическую концепцию перетекания деяния из одной формы в другую. Но в данном случае происходит перетекание не одного преступления в качественно другое, а качественное перетекание из деяния правомерного, имеющего соответствующее гражданско-правовое регулирование в деяние уголовно наказуемое.

С уголовно-правовой точки зрения указанное Конституционным Судом РФ уголовно-правовое злоупотребление правомочиями авторы верно описывают как «единое сложное деяние, поскольку его обязательным признаком является неисполнение обязанностей, предусмотренных ст. 227 ГК РФ, но помимо этого должно быть совершено хотя бы одно из альтернативных действий: сокрытие найденной вещи либо сокрытие или уничтожение признаков, позволяющих индивидуализировать это имущество или подтвердить его принадлежность законному владельцу. Поскольку действия совершаются не для неисполнения обязанности нашедшего, а лишь дополняют его, то это нельзя считать смешанным бездействием» [34, с. 45].

Характерный для кражи тайный способ, по оценке Конституционного Суда РФ, относится в таком случае к обращению с потерянной вещью, выражается в сокрытии самого факта ее обнаружения и (или) принадлежности другому лицу.

Из п. 3.3 Постановления № 2-П также вытекает, что если совершено только бездействие (невыполнение лицом действий, предусмотренных п. 1 и п. 2 ст. 227 ГК РФ), которое не сопровождалось действиями по сокрытию находки или идентифицирующих признаков, то содеянное не дает оснований для привлечения к ответственности за кражу. Другими словами, именно такое бездействие и является тем самым гражданско-правовым злоупотреблением, которое по действующему закону ненаказуемо в уголовно-правовом порядке. Наряду с этим Конституционный Суд РФ подчеркнул дискреционное право законодателя установить в будущем самостоятельную публично-правовую (административную или уголовную) ответственность за невыполнение нашедшим вещь требований ст. 227 ГК РФ при отсутствии в таком деянии признаков кражи (п. 4 Постановления № 2-П).

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что «если вещь утрачена в месте, известном владельцу, и он имеет возможность за ней вернуться или получить ее либо по индивидуальным свойствам вещи владелец может быть идентифицирован и нет оснований полагать, что вещь является бесхозной или брошенной, то лицо, которое обнаружило такую вещь в подобной обстановке, осознавало или должно было осознавать указанные обстоятельства и при этом не только не предприняло доступных ему мер найти законного владельца вещи, не сдало ее в установленном законом порядке, не обратилось в правоохранительные органы или в органы местного самоуправления с заявлением о находке, но и активно сокрыло вещь для тайного обращения ее в свою пользу или в пользу других лиц, т.е. совершило тайное хищение – кражу» (п. 3.2 Постановления № 2-П).

Из такой позиции отдельные авторы усматривают следующее: «признаки забытой или оставленной вещи, наличие возможностей идентификации ее собственника не лишают лицо, нашедшее такую вещь, статуса, основанного на ст. 227 ГК РФ, а выполнение им требований, предусмотренных этой статьей, исключает уголовную ответственность. С учетом этого разделения вещей на утерянные, забытые или оставленные,

опора на признаки предметов не дает ничего для практической оценки действий с ними» [5, с. 10].

Ситуация находки отсутствует, когда лицо, тайно завладевшее вещью, непосредственно наблюдало ее потерю собственником или иным владельцем и имело реальную возможность незамедлительно проинформировать последнего о потере и вернуть ее, это должно квалифицироваться как кража (п. 3.3 Постановления № 2-П).

Подводя итог анализа проблем, связанных с возможностями квалификации в качестве кражи присвоения найденного имущества, следует сделать вывод о том, что новое Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П несомненно поспособствует формированию единой и непротиворечивой практики в данном направлении, а также позволит расширить границы уголовно-правовой теории о хищениях.

Как верно в контексте нового Постановления Конституционного Суда РФ № 2-П отмечается отдельными авторами, например, М.В. Арзамасцевым, «для наступления уголовной ответственности необходимо установить признаки сложного деяния: не только бездействия (невыполнения обязанностей, обусловленных фактом находки), но и активных действий по сокрытию самого факта ее обнаружения и (или) принадлежности другому лицу» [5, с. 13].

Также следует сделать вывод о том, что необходимо распространять требования о находке не только на утерянные, но и на забытые вещи. При этом стоит сместить акцент оценки с признаков самого имущества на поведение лица, обнаружившего такие предметы: в тех случаях, когда оно достигает степени уголовно наказуемого злоупотребления правомочиями, можно говорить об уголовной ответственности за хищение.

Также заслуживает внимания вопрос, неоднократно обсуждаемый в научных публикациях, о возможности признания кражи, совершённой с незаконным проникновением в жилище малозначительным деянием.

Речь идёт о квалифицированной разновидности кражи, предусмотренной п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Совершение такой разновидности кражи не является редкостью и сопряжённость деяния с нарушением права неприкосновенности жилища выводит хищение на новый по своей общественной опасности уровень. Тем не менее, на практике встречаются ситуации, когда в результате проникновения в жилище виновный похищает имущество, стоимость которого не превышает размер, определяемый законодателем в соответствии со ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [27] (КоАП РФ). Это, с одной стороны, снижает общественную опасность содеянного, но при этом, в наличии незаконное вторжение в жилище, что создаёт предпосылки для достаточно интересного с точки зрения теории и практики вопроса.

Малозначительным с точки зрения законодателя является «действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» (ч. 2 ст. 14 УК РФ)

Вместе с тем, как верно указывает В.Н. Винокуров, «наличие в деянии признаков квалифицированного или особо квалифицированного состава преступления свидетельствует о его повышенной опасности и невозможности применения ч. 2 ст. 14 УК РФ» [11, с. 3].

Тем не менее, в судебной практике проявилась неоднозначность подходов к такого рода ситуациям при рассмотрении и разрешении уголовных дел.

Определением Верховного Суда РФ действия Н., проникшего в библиотеку с целью хищения оргтехники, не обнаружившего ничего ценного, а потому укравшего ножницы, которые впоследствии выбросил, расценены как малозначительное деяние [44].

Данное решение выглядит неоднозначным, поскольку умысел виновного, исходя из материалов дела, был направлен на кражу оргтехники,

что ставит под сомнение целесообразность применения положения УК РФ о малозначительности.

Как пример признания кражи, совершенной с незаконным проникновением в жилище, малозначительным деянием приводят решение Верховного Суда РФ по делу Е., «который был осужден по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ за кражу бутылки пива, но затем его действия были признаны малозначительными, а проникновение в жилище квалифицировали по ст. 139 УК РФ» [45].

Как обоснованно указано в одном из решений суда, «по смыслу ч. 2 ст. 14 УК РФ малозначительным признаются не отдельные признаки преступления, в том числе квалифицирующие, а деяние в целом» [59].

Однако далее, признав стоимость похищенного малозначительным (канистры с бензином), суд признал и проникновение в жилище также малозначительным, сославшись в обоснование своего решения на п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», где разъяснено, что «в случае признания лица виновным в совершении хищения чужого имущества путем незаконного проникновения в жилище дополнительной квалификации по ст. 139 УК РФ не требуется, поскольку такое незаконное действие является квалифицирующим признаком» [59].

Опираясь на данное положение судом было признано проникновение в жилище малозначительным. Тем не менее, смысл приводимого выше п. 19 Постановления № 29 видится другим.

Следует признать обоснованным высказываемое в этой связи в науке утверждение о том, что «кража с незаконным проникновением в жилище посягает не только на имущественные отношения, но и на неприкосновенность жилища как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. При этом, в процессе правоприменения состав преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, разложить на преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 139 УК РФ и ч. 1 ст. 158 УК РФ, нельзя» [11, с. 5].

В этой связи суд верно квалифицировал деяние Н. по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, состоящее в хищении имущества на сумму 288 руб., совершенное с незаконным проникновением в жилище [4].

Кроме того, общественная опасность анализируемой разновидности квалифицированного состава кражи предопределяется тем обстоятельством, что «такой способ совершения преступления является, как правило, показателем высокой интенсивности корыстной мотивации преступного поведения – оно говорит о стремлении виновного завладеть чужим имуществом, несмотря ни на что» [18, с. 131].

Правы специалисты, которые указывают на то, что «некоторые свойства личности, такие как прошлое поведение человека, свидетельствуют о том, что в дальнейшем лицо может вновь совершить преступление. А угроза совершения нового преступления определяет наряду с прочим общественную опасность преступления» [81, с. 27].

Соответственно, определение малозначительности деяния не должно осуществляться исключительно на стоимостном аспекте имущества, выступающего предметом кражи. Правоприменителю обязательно следует учесть и сведения субъективного свойства – а именно данные о личности субъекта такого деяния.

Таким образом, как представляется, исходя из проанализированных доводов и материалов судебной практики, совершение кражи с незаконным проникновением в жилище на сумму менее 2 500 рублей не может быть признано малозначительным деянием ни по частям, когда малозначительным признают хищение имущества, но признают лицо виновным в нарушении неприкосновенности жилища, ни полностью малозначительным как преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Следует констатировать, что определение малозначительности деяния не должно осуществляться исключительно на стоимостном аспекте имущества, выступающего предметом кражи.

Правоприменителю обязательно следует учесть и сведения субъективного свойства – а именно данные о личности субъекта такого деяния.

3.2 Отграничение состава кражи от смежных составов преступлений

Также важно правильно производить квалификацию краж, разграничивая таковые с иными формами хищения – в частности, с мошенничеством, грабежом и разбоем.

Что касается разграничения кражи и мошенничества, то такое производится по способу совершения хищения. При мошенничестве таковым является обман или злоупотребление доверием, которые выступают в качестве специфического конструктивного способа совершения мошеннических действий.

Как верно отмечается авторами, «При совершении мошенничества потерпевший, как правило, сам добровольно осуществляет передачу имущества, будучи обманутым, или в ситуации, когда он полностью доверяет виновному, рассчитывая на его честность и добросовестность. В отличие от кражи при совершении мошенничества происходит непосредственный контакт между жертвой и преступником. Последний под влиянием обмана или злоупотребления доверием сам передает виновному имущество, что внешне выглядит добровольным актом. Кражи совершаются в тех случаях, когда виновные не могут внушить жертвам необходимость передачи имущества вследствие своей неубедительности или недоверчивости самих граждан» [15, с. 423].

Сложным же представляется разграничение отдельной разновидности мошенничества – мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) и особо квалифицированного вида кражи – с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Как уже было ранее отмечено, в контексте анализа особо квалифицирующих признаков кражи, в современных условиях развития информационно-коммуникационных систем существуют реальные возможности для изъятия и обращения безналичных денежных средств техническим путём, без участия в этой цепочке действий людей, что обуславливает констатацию наличия тайности совершения хищения.

В судебной и следственной практике отсутствует единый подход в оценке преступлений, посягающих на денежные средства, находящиеся на банковском счете, а равно в отношении электронных денежных средств.

В п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указано, что деяние следует квалифицировать как кражу, если «хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге мобильный банк, авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.)» [54].

Приведенное разъяснение вместе с положением, содержащимся в абз. 2 п. 5 данного Постановления № 48, является ключевым для понимания преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ: «Если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб» (п. 5 Постановления).

Как указывается специалистами, «сложность оценки связана главным образом с изменением описания объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, где законодатель расширил перечень средств (способов) совершения преступления и исключил описание признаков объективной стороны преступления. Прежняя редакция ст. 159.3 УК РФ предусматривала возможность совершения преступления путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. В этой связи особый интерес представляют для квалификации действия виновного, когда он использует средства платежа, не сообщая об их принадлежности» [65, с. 30].

Отдельные исследователи считают, что «при использовании чужой, похищенной, поддельной банковской карты и при предъявлении ее для оплаты как своей, то есть, фактически не сообщая о незаконном использовании этой карты, виновное лицо тем самым обманывает сотрудников торговой или кредитной организации, в связи с чем такое деяние подлежит квалификации по ст. 159.3 УК РФ» [33, с. 25].

Приведём в отношении такой ситуации пример из актуальной судебной практики.

Так, Президиум Кемеровского областного суда в Постановлении от 22.07.2019 г. указал, «что поскольку действия Б. связаны с оплатой банковской картой потерпевшего товара в магазине путем умолчания о незаконном владении им платежной картой, то действия Б. надлежит переквалифицировать с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на ч. 1 ст. 159.3 УК РФ как мошенничество с использованием электронных средств платежа» [57].

Есть дискуссии на предмет уголовно-правовой квалификацией хищения, которое осуществляется виновным с использованием банкомата для снятия денежных средств, когда при этом имеет место присутствие сотрудника банка (администратора, консультанта по банковским услугам и т.д.).

А.В. Архипов считает, что «хищение, совершенное путем получения наличных денежных средств с банковского счета через банкомат, традиционно

рассматривается судами как обычное хищение вещей, наделенных физическим признаком» [8, с. 5].

З.И. Хисамова напротив полагает, что такое деяние надлежит квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и «достаточным для этого является установление факта выдачи денежных средств по заранее похищенной или поддельной платежной карте посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной или торговой организации» [83, с. 45].

Однако, необходимо иметь в виду, что роль и участие соответствующего специалиста в снятии денежных средств в отделении банка, с использованием банкомата, или иного подобного оборудования, позволяющего получить наличные деньги, взаимодействуя с банком опосредованно, может быть разным.

Электронные терминалы позволяют виновному дистанцироваться от непосредственного контакта с сотрудниками, избегая каких-либо диалогов и прочего непосредственного физического и интеллектуального взаимодействия.

Что если банковский работник присутствует при этом, но его роль носит выраженный пассивный характер? Имеет ли место тайность в такого рода практической ситуации?

М.А. Маслиенко отмечает, что «распространенным является мнение, что даже пассивное присутствие сотрудника кредитной организации исключает признак тайности, в связи с чем хищение в этом случае рассматривается как мошенничество, а не как кража. Предполагается, что виновное лицо своими действиями вводит в заблуждение сотрудника банка» [35, с. 50].

Представляется, что данный вопрос не имеет однозначного решения и может зависеть от ряда факторов, таких, например, как насколько сотрудник конкретной кредитной организации будет принимать участие в обналичивании средств с карты.

Присутствие соответствующего работника при манипуляциях, которые виновный осуществляет с кредитной картой потерпевшего, без непосредственной вовлеченности в процесс снятия средств через терминал банкомата, нельзя трактовать, как непосредственное участие банковского сотрудника в данном процессе. Поэтому можно сделать вывод, что всё сводится к частностям, которые могут иметь определяющее значение в констатации признака тайности в такого рода ситуации.

В этой связи следует признать обоснованной позицию авторов, которые считают, что «снятие наличных денежных средств с помощью банкомата может быть квалифицировано по ст. 159.3 УК РФ только в том случае, если в процессе снятия денежных средств участвовал (то есть был активно задействован) уполномоченный сотрудник банка, и одного пассивного присутствия банковского работника, не обладающего полномочиями по списанию денежных средств, недостаточно для квалификации деяния как мошенничества» [35, с. 52].

Тем не менее, проблемы квалификации и разграничения соответствующих деяний имеют место. Как верно подчёркивается отдельными авторами, «разнообразная судебная практика по делам о преступлениях, подпадающих под действие п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и смежных с ним преступлениях является результатом различных причин и, безусловно, требует вмешательства Верховного Суда РФ» [71, с. 45].

Однако, не исключено, что для полноценного решения проблем разграничения таких деяний необходимо внесение изменений в диспозиции составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ.

В отдельном внимании нуждается разграничение с грабежом, поскольку именно в данном вопросе возникают основные практические и теоретические сложности квалификации.

Ключевой аспект разграничения кражи и грабежа, предусмотренного ст. 161 УК РФ, раскрывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от

27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «Как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества» [52].

Таким образом, как верно указывает П.С. Яни, «если при похищении имущества присутствует лицо, которое, однако, заведомо для виновного не может осознавать противоправный и общественно опасный характер этих действий в силу, например, малолетнего возраста, психического или иного заболевания, сильного алкогольного опьянения и т.п., содеянное должно квалифицироваться как кража» [86, с. 27].

Достаточно сложен вопрос квалификации хищения, когда лицо, которое виновный считал наблюдающим за его действиями и адекватно их оценивающим, в действительности в силу возраста, заболевания или иных причин характер совершаемых действий правильно оценить не могло. Верховный Суд РФ, исходя из принципа субъективного вменения, решает его так: «Довод осужденного Павличенко И.Г. о том, что хищение имущества К. совершалось тайно, не основан на материалах дела... в момент хищения вещей потерпевший К. находился в квартире, осужденные Павличенко и Петренко понимали, что открыто завладевают имуществом после того, как К. был избит и привязан к кровати. Наличие у потерпевшего К. 2-й группы инвалидности, полученной в результате перенесенного инсульта левого полушария головного мозга, а также то, что он не понимал происходящее и не осознавал противоправность действий осужденных, им не было известно» [41]. Действия осужденных квалифицированы как грабеж.

П.С. Яни верно указывает на то, что «деяние квалифицируется как кража, а не как открытое хищение имущества, когда вся объективная сторона

преступления (от вскрытия запоров, собственно изъятия вещей и до момента окончания хищения) выполняется виновным заведомо тайно, хотя он и предполагает, что совершенное им преступление – после его окончания, безусловно будет выявлено и на него укажут, как на похитителя» [86, с. 27].

Вполне обоснованно признаётся тайным хищение, которое совершалось в присутствии посторонних, когда похититель сознавал, что присутствующие при этом лица понимают характер его действий, но одобряют их либо просто игнорируют, не собираясь оказывать ему какого-либо противодействия.

Специалисты обращают своё внимание на то, что «судебная практика по-прежнему достаточно широко определяет круг присутствующих при хищении лиц, безразличное либо одобрительное отношение которых к действиям виновного дает, по мнению правоприменителя, основания для квалификации деяния как тайного хищения. Такими лицами признают близких друзей похитителя или даже просто знакомых, кроме того, к противодействию со стороны третьих лиц не относят ненастойчивые и не выражающиеся в жестких требованиях уговоры прекратить преступные действия» [86, с. 28].

Как отмечается в анализируемом Постановлении Пленума ВС РФ № 29, «Если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия – как разбой» (п. 5 Постановления).

Данную ситуацию называют перерастанием кражи в грабеж либо разбой. Соответственно, перехода кражи в открытую форму хищения не будет, если виновный, будучи обнаруженным, откажется от реализации своих противоправных намерений совершить хищение.

Раскрывая понятие перерастания кражи в насильственные формы хищения, высший судебный орган в решениях по конкретным делам уточняет

позицию Пленума ВС РФ тем, что «действия лиц, начатые как кража, при применении в дальнейшем насилия с целью завладения имуществом или для его удержания непосредственно после изъятия следует квалифицировать в зависимости от характера примененного насилия как разбой или грабеж, соединенный с насилием» [40].

Необходимость правильной квалификации деяния требует от правоприменителя не только глубоких юридических познаний, но и опоры на соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

При этом, как верно отмечается отдельными исследователями, назрела необходимость формирования позиции Пленума ВС РФ и по ряду новых вопросов, что обуславливается модернизацией уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за кражу и иные формы хищения, как например в связи с введением нового особо квалифицированного состава кражи (с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств).

Значительный интерес представляет вопрос о возможности квалификации в качестве кражи присвоение найденного имущества, что обуславливается пересечением гражданско-правовых положений, регламентирующих порядок обращения с находкой.

На практике подобные проблемы часто возникают при утере гражданами смартфонов или иных мобильных устройств в транспорте, местах общего пользования и т.д.

На уровне судебной практики в ряде проанализированных судебных решений находка и хищение разграничиваются – действия нашедшего определяются с уголовно-правовой точки зрения как правомерные, в то время как хищение забытых или оставленных вещей квалифицируется как кража.

Анализ судебных решений позволяет сделать вывод о том, что суды стали определять в качестве критерия того, что вещь не утеряна, а забыта владельцем применительно к широкому спектру мест, что приводит к

распространению практики считать вещь забытой в неопределённо-широком спектре жизненных ситуаций.

Важно заметить, что уголовно-правовая квалификация такого рода деяния сталкивается с проблемой того, что в гражданско-правовых отношениях забытые и утерянные вещи никак не разграничиваются.

Принципиальной разницы между забытой или утерянной вещью не наблюдается в обязанности лица обращаться с таким предметом, как с находкой. Соответственно, нарушение или игнорирование такой обязанности может быть расценено как хищение, независимо от субъективного восприятия утраты имущества его владельцем.

В свете выхода отдельного Постановления Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 г. № 2-П, посвященного анализируемой проблеме, следует сделать вывод о том, что для наступления уголовной ответственности необходимо установить признаки сложного деяния.

Также следует сделать вывод о том, что необходимо распространять требования о находке не только на утерянные, но и на забытые вещи. При этом стоит сместить акцент оценки с признаков самого имущества на поведение лица, обнаружившего такие предметы: в тех случаях, когда оно достигает степени уголовно наказуемого злоупотребления правомочиями, можно говорить об уголовной ответственности за хищение.

Также заслуживает внимания вопрос, неоднократно обсуждаемый в научных публикациях, о возможности признания кражи, совершённой с незаконным проникновением в жилище малозначительным деянием.

Как представляется, исходя из проанализированных доводов и материалов судебной практики, совершение кражи с незаконным проникновением в жилище на сумму менее 2 500 рублей не может быть признано малозначительным деянием.

Следует констатировать, что определение малозначительности деяния не должно осуществляться исключительно на стоимостном аспекте имущества, выступающего предметом кражи. Правоприменителю

обязательно следует учесть и сведения субъективного свойства – а именно данные о личности субъекта такого деяния.

Кражу, с учётом того, что таковая выступает одной из форм хищения, необходимо чётко разграничивать с иными формами хищения.

Что касается разграничения кражи и мошенничества, то таковое производится по способу совершения хищения. Сложным же представляется разграничение отдельной разновидности мошенничества – мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) и особо квалифицированного вида кражи – с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), что обуславливается современными техническими возможностями – в условиях развития информационно-коммуникационных систем существуют реальные возможности для изъятия и обращения безналичных денежных средств техническим путём, без участия в этой цепочке действий людей, что обуславливает констатацию наличия тайности совершения хищения.

Есть дискуссии на предмет уголовно-правовой квалификацией хищения, которое осуществляется виновным с использованием банкомата для снятия денежных средств, когда при этом имеет место присутствие сотрудника банка (администратора, консультанта по банковским услугам и т.д.).

Думается, что присутствие при манипуляциях с картой на некотором расстоянии, без непосредственной вовлеченности, вряд ли возможно трактовать, как участие в данном процессе, а значит имеет место квалифицированная кража, а не соответствующая разновидность мошенничества.

Несмотря на наличие сформированных позиций в правоприменительной практике по данному вопросу, следует поддержать авторов, которые считают необходимым уточнение вышеназванных вопросов разграничения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Однако, не исключено, что для полноценного решения проблем разграничения таких деяний необходимо

внесение изменений в диспозиции составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ.

Вопрос разграничения кражи и грабежа, а также разбоя детально разработан Пленумом Верховного Суда РФ в профильном Постановлении от 27.12.2002 г. № 29. Так, перерастание кражи в грабеж либо разбой оценивается с учётом названной позиции.

Перехода кражи в открытую форму хищения не будет, если виновный, будучи обнаруженным, откажется от реализации своих противоправных намерений совершить хищение.

При этом, как верно отмечается отдельными исследователями, назрела необходимость формирования позиции Пленума ВС РФ и по ряду новых вопросов, что обуславливается модернизацией уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за кражу и иные формы хищения, как например в связи с введением нового особо квалифицированного состава кражи (с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств).

Заключение

Анализ исследуемой темы, посвящённой квалификации кражи, позволяет сформулировать ряд выводов и предложений, направленных на совершенствование толкования соответствующих законоположений, а также совершенствование существующего регулирования в данной сфере в целом.

Таким образом, исторический экскурс, связанный с анализом отечественного права в различные периоды развития общества и государства является важной составной частью любого правового исследования, включая исследования, связанные с уголовной ответственностью за те, или иные общественно опасные деяния.

Мы имеем возможность выявить предпосылки возникновения соответствующего правового регулирования, рассмотреть контекст формирования и развития данных норм и институтов, выявить преемственность нормативных положений в данной области.

Кража, безусловно, является одним из самых известных и распространённых преступных в истории отечественного уголовного права.

Первые нормативные упоминания, касающиеся регламентации ответственности за кражу можно обнаружить в нормах древнерусского уголовного законодательства. Характер данных норм соответствовал общему уровню государственно-правового развития и был достаточно казуистичным, с выраженной сословной составляющей. Также первоначально стоимость похищенного имущества не оказывала влияния на преступность и наказуемость хищения, а также не предполагала дифференцирование уголовного наказания.

Уже в XIX веке регулирование заметно усовершенствовалось, были выделены квалифицированные разновидности краж. Ответственность за хищения претерпела значительные изменения с переходом от дореволюционного к советскому государству.

Первоначальный подход законодателя к хищениям был максимально строгим – вплоть до высшей меры наказания при отягчающих обстоятельствах совершения хищения. Подобная позиция законодателя обусловлена сложными условиями, связанными с политической и социальной ситуацией в стране – война, нехватка продовольствия и т.д.

Окончательный переход к новому демократическому концепту осуществления защиты собственности уголовно-правовыми средствами произошёл уже с принятием нового УК РФ, открывшему новый постсоветский демократический этап развития отечественного уголовного законодательства.

Определение преступлений против собственности можно сформулировать как: «противоправные, уголовно наказуемые деяния, запрещённые в главе 21 УК РФ под угрозой наказания, которые посягают на собственность и причиняющие ей ущерб».

Хищения же представляют собой преобладающую часть преступлений против собственности. Анализ конструктивных признаков хищения, определённых в УК РФ, является результатом длительной эволюции представлений учёных о содержании данной категории.

Юридический анализ состава кражи позволяет сделать вывод о том, что объектом данного преступного посягательства выступает собственность, как экономическая категория. При этом, следует признать правоту специалистов, которые считают, что родовой и видовой объект кражи полностью совпадают.

Следует сделать вывод о том, что при определении непосредственного объекта хищений с точки зрения теоретического обоснования содержания объекта данного уровня, делать уверенный акцент на конкретизированной форме собственности вряд ли стоит. Это не будет соответствовать разделяемой большинством исследователей позиции. В этой связи наиболее правильным решением будет признать в качестве непосредственного объекта собственность конкретного субъекта, которой причиняется ущерб в результате совершения преступления.

Специфика объективной стороны кражи выражается в форме противоправного деяния, а именно – в тайном характере хищения. Особенность способа совершения хищения лежит как в научной, так и в нормативной основе выделения отдельных форм хищения. Кражу, в этой связи, характеризует тайный характер реализации деяния. Соответственно, тайность должна трактоваться как отсутствие очевидности и явности.

Если основываться на определении тайности на основе выделяемых в науке объективных и субъективных характеристик, то следует констатировать, что тайный характер хищения будет иметь место при наличии единства объективных данных, указывающих на тайность и субъективного восприятия таковых виновным лицом.

Одного лишь субъективного критерия явно недостаточно – субъективное суждение виновного относительно тайности должно находить обоснования в объективной обстановке деяния и её факторах. Другими словами, виновный должен иметь некие объективные основания считать, что действует тайно, совершая хищение чужого имущества.

Субъективная сторона противоправного посягательства характеризуется признаками, относящимися к сфере внутренних психических процессов, происходящих у виновного в связи с совершением деяния.

Корыстная цель является также обязательным признаком субъективной стороны кражи. Исходя из точек зрения, высказываемых в науке, а также позиции Пленума Верховного Суда РФ, можно сделать вывод о том, что анализируемая цель предполагает долговременный характер изъятия и обращения имущества, а круг непосредственных приобретателей материальных благ, выступающих предметом хищения максимально широк. Данный вывод можно обнаружить в позициях нижестоящих судов после выхода анализируемого судебного толкования.

Субъектом кражи выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет. В данном случае, речь идёт о пониженной возрастной границе уголовной ответственности – по общему правилу, ответственность по

большинству составов преступлений Особенной части УК РФ наступает с возраста 16 лет, но в данном случае, с учётом широкой распространённости данного преступления и доступности для понимания несовершеннолетним его противоправного содержания, граница осознания общественно опасного характера деяния и его последствий позволяет обоснованно вести речь об ответственности с более раннего возраста.

Как представляется, перечень квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков сформулирован законодателем корректно, с учётом выработанной практики и исторически сложившихся подходов к реагированию на хищения. При этом, законодатель производит учёт современных тенденций расширения границ преступных возможностей, которые связаны с развитием информационно-коммуникационных технологий. В результате законодательной проработки данного вопроса, в ст. 158 УК РФ появился такой особо квалифицированный состав кражи, как кража, с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Это позволяет в необходимой мере дифференцировать уголовную ответственность за кражу, учитывая повышенную общественную опасность, что имеет место при совершении хищения указанными способами, или при наличии соответствующих обстоятельств.

Значительный интерес представляет вопрос о возможности квалификации в качестве кражи присвоение найденного имущества, что обуславливается пересечением гражданско-правовых положений, регламентирующих порядок обращения с находкой.

На практике подобные проблемы часто возникают при утере гражданами смартфонов или иных мобильных устройств в транспорте, местах общего пользования и т.д.

На уровне судебной практики в ряде проанализированных судебных решений находка и хищение разграничиваются – действия нашедшего

определяются с уголовно-правовой точки зрения как правомерные, в то время как хищение забытых или оставленных вещей квалифицируется как кража.

Анализ судебных решений позволяет сделать вывод о том, что суды стали определять в качестве критерия того, что вещь не утеряна, а забыта владельцем применительно к широкому спектру мест, что приводит к распространению практики считать вещь забытой в неопределённо-широком спектре жизненных ситуаций.

Важно заметить, что уголовно-правовая квалификация такого рода деяния сталкивается с проблемой того, что в гражданско-правовых отношениях забытые и утерянные вещи никак не разграничиваются.

Принципиальной разницы между забытой или утерянной вещью не наблюдается в обязанности лица обращаться с таким предметом, как с находкой. Соответственно, нарушение или игнорирование такой обязанности может быть расценено как хищение, независимо от субъективного восприятия утраты имущества его владельцем.

В свете выхода отдельного Постановления Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 г. № 2-П, посвященного анализируемой проблеме, следует сделать вывод о том, что для наступления уголовной ответственности необходимо установить признаки сложного деяния.

Также следует сделать вывод о том, что необходимо распространять требования о находке не только на утерянные, но и на забытые вещи.

Заслуживает внимания вопрос, неоднократно обсуждаемый в научных публикациях, о возможности признания кражи, совершённой с незаконным проникновением в жилище малозначительным деянием.

Как представляется, исходя из проанализированных доводов и материалов судебной практики, совершение кражи с незаконным проникновением в жилище на сумму менее 2 500 рублей не может быть признано малозначительным деянием.

Следует констатировать, что определение малозначительности деяния не должно осуществляться исключительно на стоимостном аспекте

имущества, выступающего предметом кражи. Правоприменителю обязательно следует учесть и сведения субъективного свойства – а именно данные о личности субъекта такого деяния.

Кражу, с учётом того, что таковая выступает одной из форм хищения, необходимо чётко разграничивать с иными формами хищения.

Что касается разграничения кражи и мошенничества, то такое производится по способу совершения хищения. Сложным же представляется разграничение отдельной разновидности мошенничества – мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) и особо квалифицированного вида кражи – с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Есть дискуссии на предмет уголовно-правовой квалификацией хищения, которое осуществляется виновным с использованием банкомата для снятия денежных средств, когда при этом имеет место присутствие сотрудника банка (администратора, консультанта по банковским услугам и т.д.).

Думается, что присутствие при манипуляциях с картой на некотором расстоянии, без непосредственной вовлеченности, вряд ли возможно трактовать, как участие в данном процессе, а значит имеет место квалифицированная кража, а не соответствующая разновидность мошенничества.

Несмотря на наличие сформированных позиций в правоприменительной практике по данному вопросу, следует поддержать авторов, которые считают необходимым дополнительное уточнение вышеназванных вопросов разграничения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Однако, не исключено, что для полноценного решения проблем разграничения таких деяний необходимо внесение изменений в диспозиции составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ.

Вопрос разграничения кражи и грабежа, а также разбоя детально разработан Пленумом Верховного Суда РФ в профильном Постановлении от

27.12.2002 г. № 29. Так, перерастание кражи в грабеж либо разбой оценивается с учётом названной позиции.

При этом, как верно отмечается отдельными исследователями, назрела необходимость формирования позиции Пленума ВС РФ и по ряду новых вопросов, что обуславливается модернизацией уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за кражу и иные формы хищения, как например в связи с введением нового особо квалифицированного состава кражи (с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств).

Подводя общий итог, следует выразить надежду на то, что законодатель продолжит планомерное совершенствование уголовно-правовое регулирование в сфере противодействия корыстным преступлениям против собственности, учитывая то, что число деяний такого рода, совершаемых из года в год, продолжают оставаться высоким.

Экономический кризис лишь усугубляет ситуацию, создавая предпосылки для роста противоправной активности в данном контексте, а развитие современных технологий усугубляет уязвимость граждан.

Лишь с учётом современных тенденций, опираясь на положения, выработанные наукой, правоприменитель может эффективно осуществлять противодействие хищениям на эффективном уровне.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Анисимов В.Ф. История законодательства России о преступлениях против собственности с признаками хищения // Вестник Югорского государственного университета. 2009. № 4 (15). С. 52-58.
2. Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 04.02.2021 г. по делу № 22-175/2021 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
3. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 05.11.2013 г. по делу № 22-6647/2013 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
4. Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 20.01.2021 г. по делу № 22-197/2021 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
5. Арзамасцев М.В. Кража найденного имущества как уголовно-правовое злоупотребление правомочиями // Уголовное право. 2023. № 3. С. 3-14.
6. Артикул воинский от 26.04.1715 г. Хрестоматия по истории государства и права России. / Ю.П. Титов. - М. : Проспект, 2008.
7. Архипов А.В. Корыстная цель как признак хищения // Уголовное право. 2016. № 1. С. 4-8.
8. Архипов А.В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства // Уголовное право. 2018. № 3. С. 4-9.
9. Башков А.В. Сложные вопросы квалификации преступлений против собственности с учетом особенностей предмета // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 150-161.
10. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2002. 455 с.

11. Винокуров В.Н. К вопросу о возможности признания кражи, совершенной с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ), малозначительным деянием // Уголовное право. 2023. № 12. С. 3-9.
12. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. 277 с.
13. Гаухман Л.Д., Журавлев М.П. К вопросу о понятии хищения // Уголовное право. 2014. № 6. С. 11-14.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
15. Гужвенко С.У. Отграничение кражи от мошенничества // Е-СЦИО. 2023. № 1 (76). С. 422-426.
16. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 01.06.1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» // СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.
17. Декрет СНК от 24.11.1917 г. «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
18. Елисеев С.А. Преступления против собственности: Курс лекций. Томск, 2018. 220 с.
19. Зуева М.А. Становление российского законодательства об ответственности за хищение // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-3 (74). С. 132-135.
20. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.01.2022 г. № 77-295/2022 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
21. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.05.2009 г. № 48-О09-29 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
22. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.04.2017 г. № 75-УД17-2 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

23. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2021 г. по делу № 77-595/2021 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

24. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12.10.2020 г. по делу № 77-1804/2020 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

25. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.03.2021 г. по делу № 77-675/2021 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

26. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.07.2022 г. № 77-2507/2022 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

27. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1) Ст. 1.

28. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный текст с внесенными поправками опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

29. Красуцких Л.В. Карательная практика по уголовным делам о хищениях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 22 с.

30. Куренкова Е.С. Объект и предмет хищения // Правовая система России: история и современность: материалы научно-практической конференции. М., 2011. С. 351-355.

31. Курс уголовного права / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении. М., 1999. 491 с.

32. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М. : Норма, Инфра-М, 2012. 528 с.

33. Макаров А.В., Алешкова В.А. Особенности и проблемы квалификации мошенничества, совершенного с использованием электронных средств // Российский судья. 2019. № 5. С. 24-29.

34. Макаров А.В., Страмилова Т.П., Куприянова А.В., Федурин Ю.О. К вопросу о разграничении кражи и присвоения найденного // Российский следователь. 2021. № 7. С. 41-46.

35. Маслиенко М.А. Особенности квалификации краж и мошенничеств, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 4. С. 46-52.

36. Миронов А.В. Уголовная ответственность за кражу в исторической ретроспективе // Вестник магистратуры. 2015. № 1 (40). Т. III. С. 71-74.

37. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Чувашской Республики за II квартал 2012 года // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

38. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 03.04.2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 7.

39. Обзор судебной практики по уголовным делам за август 2011 года (подготовлен Белгородским областным судом) // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

40. Определение Верховного Суда РФ от 19.02.2002 г. № 19-кпо01-128 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

41. Определение Верховного Суда РФ от 25.07.2006 г. № 18-ДО6-14 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

42. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06.04.2021 г. № 77-1262/2021 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

43. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2021 г. № 77-1839/2021 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

44. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.06.2008 г. № 9-Дп08-11 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

45. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.04.2011 г. № 35-О11-14 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

46. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.10.2021 г. № 77-4581/2021 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

47. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2022 г. № 77-335/2022 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

48. Полякова Т.А., Касаткина Н.В., Коновалов Е.А. История российского уголовного законодательства об ответственности за кражу в досоветский период // Закон и право. 2022. № 1. С. 32-35.

49. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

50. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

51. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова» // СЗ РФ. 2023. № 4. Ст. 697.

52. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

53. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль, 2008.

54. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль, 2018.

55. Постановление президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 27.04.2011 г. № 44у-347/2011 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

56. Постановление президиума Верховного суда Республики Хакасия от 14.04.2011 г. по делу № 44у-57/2011 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

57. Постановление Президиума Кемеровского областного суда от 22.07.2019 г. по делу № 44у-69/2019 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

58. Постановление президиума Орловского областного суда от 24.11.2016 г. № 44У-33/2016 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

59. Постановление Усть-Куломского районного суда Республики Коми от 06.03.2019 г. по делу № 10-4/2019 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

60. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07.08.1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации, и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

61. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 27.05.1932 г. «Об имущественной ответственности работников за материалы и изделия и за

имущество предприятия или учреждения, выданное в пользование работникам» // СЗ СССР. 1932. № 40. Ст. 242.

62. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

63. Российское уголовное право: Учебник: В 2 т. / под ред. А.И. Рарога. - Т. 2. - М., 2001. 477 с.

64. Русская Правда. Древнерусское государство и право / под ред. Т.Е. Новицкой. - М., 1998.

65. Русскевич Е.А. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации хищений с банковского счета потерпевшего, а равно в отношении электронных денежных средств // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 29-33.

66. Севрюков А.П. Признаки хищения // Российский судья. 2004. № 6. С. 19-23.

67. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985.

68. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года // <https://media.mvd.ru/files/application/5095078>.

69. Судебник 1497 г. Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

70. Судебник 1550 г. Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985

71. Тюнин В.И., Степанов Ю.И. Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (криминализация и квалификация преступления) // Российский следователь. 2021. № 3. С. 41-45.

72. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. - М. : РИОР: ИНФРА-М, 2019. 780 с.

73. Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. - М., 2000. 518 с.

74. Уголовное право: Особенная часть: Учебник / под ред. В.Н. Петрашева. - М., 1999. 591 с.

75. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

76. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

77. Указ от 03.04.1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях». Хрестоматия по истории государства и права России. / Ю.П. Титов. - М. : Проспект, 2008.

78. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. // Отечественное законодательство XI-XX веков. Ч. 1. XI-XIX века. М., 1999.

79. Федеральный закон от 01.07.1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.

80. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

81. Хилюта В.В. Влияние личности преступника на оценку малозначительности деяния // Уголовное право. 2021. № 5. С. 55-60.

82. Хилюта В.В. Кому причиняется ущерб в результате хищения? // Законность. 2014. № 5. С. 57-58.

83. Хисамова З.И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений

законодательства и правоприменительной практики // Российский следователь. 2018. № 9. С. 43-47.

84. Шарова И.И. Хищение электронных денежных средств // Уголовное право. 2017. № 1. С. 112-120.

85. Яни П.С. Мошенничество и иные преступления против собственности; уголовная ответственность. М. : Интел-Синтез, 2002. 136 с.

86. Яни П.С. Разграничение кражи и грабежа в судебной практике // Законность. 2016. № 3. С. 26-30.

87. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 6. С. 19-23.